

X10
Фл 218

ГИБЕЛЬ.

Наше отечество в опасности,—так уже давно являло Временное Правительство одною из своих обязанностей. Вѣрно ли это? Или эти страшные, но уже привычные слова есть только запугивание, как думают многие? Так вѣдь и врач верѣдко запугивает больного, дабы побудить его лечиться, а сам прекрасно знает, что дѣло вовсе не так плохо. И это вовсе не значит, что врач дурной человекъ, шарлатанъ,—нѣтъ, это просто одинъ изъ приемовъ психологическаго воздействия; и это вовсе не значит, что Правительство наше, если оно обманываетъ про опасность, руководится дурными побужденіями: нѣтъ, оно также можетъ хотѣть только добра для больной родины и въ преувеличеніи опасности ищетъ источника врачующей энергии. Но развѣда, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно велики; и если докторъ мнѣ серьезно скажетъ, что мой любимый сынъ боленъ опасно, что жизнь его «въ опасности», я брошу все, чтобы остаться у его постели, отдамъ все вниманіе и силы, чтобы вырвать его изъ темной долины. И иначе я поступлю, если за дверью, съ улыбкой, докторъ шепчетъ мнѣ, что на самомъ дѣлѣ ничего страшнаго нѣтъ, а это такъ, чтобы мальчикъ глоталъ горькое лекарство.

Такъ какъ же на самомъ дѣлѣ въ опасности наше отечество, Россія, или нѣтъ?

Сейчасъ время словъ примыкъ, ответственныя и ясныхъ. Уклончивое молчаніе, двусмысленныя рѣчи, острая и праная политическая болтовня, за которой не стоитъ чувства ответственности и долга,—преступленіе передъ народомъ и беземинца. Не нужно, наконецъ, и обманчивыхъ утѣшеній, сглаживанія острыхъ угловъ, наивнаго подбадриванія, которое въ извѣстныхъ эпохи развѣиваетъ прямой лжи и опять такъ преступленію передъ народомъ. Да и отъ кого твисты? Мы одинъ съ вашей судьбой, какъ одинъ всякій человекъ передъ смертью и рокомъ. И какъ можно шутить и улыбаться, подбадривать, когда хлещетъ кровь изъ перерѣзанныхъ артерій, когда земля на аршинъ прорыта кровью, когда съ каждою минутою приближается истекающая кровью, когда вопиющую священна каждая минута, какъ послѣдній грошъ бѣдняка!

Настала пора говорить прямо.

И я отвѣчу прямо, какъ мнѣ подсказываетъ совѣсть и все то, что я вижу кругомъ: да, Россія въ смертельной опасности, она близка къ смерти, и я не знаю, будетъ ли она еще жива черезъ полгода, черезъ мѣсяць, или погибнетъ. Не знаю. Хочу вѣрить, что будетъ жива, зову на помощь исторію и чудеса, все силы свои собираю, чтобы вѣрить и не прійти въ отчаяніе и... не знаю, не знаю. Быть можетъ, моя рѣчь неумѣтна и все еще надо дѣлать веселое лицо при плохой игрѣ, но я не могу больше думать о тактѣ и корчить спокойствіе передъ постелью умирающаго. Конечно, противно, что могутъ подслушивать германцы, не только противно, а не вредно: что мнѣ нужно знать, они и такъ знаютъ хорошо, гораздо лучше, чѣмъ это знаемъ мы. Намъ же идеальныя, любительныя простоты: требуемъ раскрытія какихъ-то тайныхъ договоровъ, будто что-нибудь сейчасъ зависитъ отъ договоровъ, будто смерть приходитъ по контракту, какъ артельщикъ, а за уголь, гдѣ стоитъ она сама, и не знаетъ заглянуть!

Вотъ страшное, что я вижу.

Голодъ. Онъ надвигается неудержимо. Еще кормится армія, не имѣя никакихъ запасовъ. Лошадъ ужедохнуть отъ недостатка фуража. Еще кормится ли въ нашихъ городахъ. Сколько можетъ прожить такое положеніе вещей? Никто не знаетъ. До новаго урожая еще далеко, а пока... безвѣдство что. Можетъ быть, еще протянемъ, а, можетъ быть, черезъ недѣлю уже ничего не будетъ, и голодная армія, бросивъ окопы, гнѣться въ тылъ, стихійно разрушавъ все на своемъ пути. Безвѣдно вѣснуть въ воздухѣ все непринятельныя мѣры Правительства и его вѣщанія въ народу. Темное, невѣдственное, недоумчивое крестьянство замкнулось и замкнуло хлѣбъ: оно опять не вѣритъ. Была минута въ первые дни революціи, когда какъ-будто дрогнуло оно и начало даже дарить какіе-то вагоны съ хлѣбомъ, но вотъ проходятъ дни и мѣсяцы, и оно снова не вѣритъ, оно слова ушло въ глубину своихъ темныхъ переживаній, въ потемки своекорытія и страха, бездараемаго недоумчиваго изъ власти. Развѣда лишь въ томъ, что преемде сво не вѣриво одному Николаю II, а теперь не вѣриво на Временному Правительству, на Союзу Д. и С. Демократовъ.

Какъ ему вѣрить Правительству, когда десятки газетъ ежедневно твердятъ: не вѣриво Миллюкову и его товарищамъ, они империалисты, буржуа, они себя на ужъ! Но что газеты: какъ можетъ далекая и темная народъ повѣрить Правительству, противъ котораго принимаются такія острия мѣры, какъ недавній демонстраціи? Мы то, петроградскіе, еще знаемъ, въ чьей дѣло, а уже въ Москвѣ ходятъ сказки, а еще дальше—слухи... а во что превратилось эти событія въ далекой деревнѣ? Въ какомъ чудовищномъ видѣ догнались они туда? Насколько преувеличена цифра убытковъ? Какіе темные страхи и столь жестокая надежда раабужены въ этихъ замкнутыхъ людяхъ, отъ которыхъ зависитъ голодъ армія и тылъ?

И какъ народу вѣрить недонятному и загадочному Союзу, противъ котораго кричатъ другія десятки газетъ, который не то власть, не то нѣтъ, который ведетъ наугадъ свою «пролетарскую» политику, который остерегается отъ посетельно войны, сомнѣвается относительно займа (не давайте, пока мы не убьдемся...), то пускаетъ, то задерживаетъ солдатъ. Мы то, петроградскіе, довольно ясно понимаемъ тонкую разницу, какая отдѣляетъ «Извѣстія» отъ «Правды», «Новую Жизнь» отъ того другого, одна поступила Совѣта отъ друзей, Исполнительный комитетъ отъ Совѣта, меньшевикова-оборонцевъ и отъ меньшевикова-антиоборонцевъ,—а въ какомъ видѣ это доказывается до далекой Россіи?

Одно видно: что паны дерутся. А когда паны дерутся, то у мужика зубы трещать; а когда зубы трещать, то средство остается одно и испытанное: никому не вѣрить, схорониться, выпятиться и законать въ землю пшеницу кубышку—будутъ ли эти деньги или хлѣбъ. Когда вострашній дѣлъ темнѣе, то нынче не раскошелиться; мы сами понимающие и внимающие, если вамъ пофартито черезъ знакомаго или протеканію добыть запасецъ сахару или муки—охотно ли отдадимъ половину его... хотя бы на ту же армію?

А какъ отразятся тамъ эти наши разговоры о мирѣ «безъ аннексії и контрибуціи», эти наши раскольниковыя съ оружіемъ, дебаты о двухъ недостающихъ, или не такъ сказанныхъ словахъ въ «знаменитой» нотѣ Миллюкова? Они не понимаютъ, вѣдь, что это только теоретическіе споры и что «свойка» должна идти само по себѣ, и никто изъ людей непосредственныхъ, не привыкшихъ къ безвредному употребленію теорій, не пойметъ, какъ можно въ переполненномъ театрѣ теоретически разсуждать о пожарѣ, въ набитой людьми церкви теоретически пробовать панику. И какъ имъ представляются эти двойственныя крики: давайте хлѣба для арміи и войны, а съ другой—безконечныя разговоры о какой-то мирной «конференціи» въ Стокгольмѣ, партійныя требованія немедленнаго мира? Кому вѣрить? За что стоять: за миръ или войну? А паны все дерутся, а зубы все трещать...

Второе страшное, что я вижу: это развоженіе арміи. Тутъ въ словахъ приходится быть осторожнѣе: какъ же, военная тайна!.. хотя никто опять-таки не знаетъ ее такъ хорошо, какъ тѣ же иници, и никто такъ не пользуется ею, какъ они. Но смягчивъ краски и умалчивъ о пѣвотныхъ фантахъ. Но, и смягчая и умалчивая, или не можемъ не видѣть и не слышать, что съ каждымъ днемъ армія разлагается все больше и что если такъ продолжится и дальше—близкомъ дѣнь, когда у насъ просто не будетъ никакой арміи. Просто—никакой. Если уже сейчасъ армія въ «скажеобразномъ» состояніи, по выраженію одного авторитета, то съ каждымъ часомъ наша эта становится все ближе. А причины развоженія? Все тѣ же: отсутствіе единой власти и недоумчиве къ существующимъ правительственнымъ, все эти двойственныя приказы за номерами, двойная правота, двойные приказы и распоряженія, тоны о мирѣ. Если во всякомъ угнѣ дѣйствіи, сходясь у вершины, съ продолженіемъ своимъ расходитъ въ безконечность, такъ и эти разногласія между Правительствомъ и Совѣтомъ вѣдѣсь они малы и какъ будто примиримы (есть даже цѣлая «контактная» коммисія», чтобы примирить и соглашать), а тамъ, въ арміи, они огромны и всю ее пронизываютъ началомъ двойственнымъ и противорѣчивымъ.

И солдаты уже не вѣрятъ не только офицерамъ, но и своимъ солдатскимъ комитетамъ съ ихъ, конечно, случайнымъ большинствомъ и отсюда разной линіей поведенія; и потерявшие, бессильные, внаше въ отчаяніе офицеры думаютъ уже не о войнѣ и наступленіи, а только о томъ,

какъ бы удержать отъ послѣдняго разбега эту шумную митинговую массу, остававшуюся на вѣтровой путѣ въ предѣлахъ боевой зоны, чтобы отпраздновать первое мая, или обмѣняться инициалами по поводу Миллюкова и «мира безъ аннексії». А эти «инициалы»? Если даже у насъ большевики, особенно мы объясняемъ низ Психаловъ, не въ состояніи отвлечь оборонитъ отъ обороны стратегической, то чего требовать отъ солдата, искренно убѣжденнаго, что стояніе на мѣстѣ и зорь оборона? Вы предостерегаете, что изъ этого получается? Такъ онъ и стоять и будетъ стоять, пока не побѣдитъ передъ строгими и жесткими ураганскими, жесткими патронами германцевъ.

А самое слово «миръ»? Если даже въ тылу оно способно раздвоить, разорвать великую непосредственную душу, то брошенное въ сердцевину утомленной арміи, оно подобно искрѣ въ пороховомъ погребѣ. О, какъ утомлены, какъ устали наши солдаты! Позади ихъ трехлѣтняя безрадостная, унылая война почти безъ просвѣта; живое самоудержаніе съ «Верховнымъ вождемъ», у котораго въ одной рунѣ дрсонутый мечъ, а въ другой, на великіи случаи, какъ сапашая карта у шулера, сепаратный миръ; дурное командованіе, корыстные, честолюбивые генералы, Миллюковы, постоянныя слухи и разговоры о предательствѣ, измѣнахъ... Душа устала отъ этой нервозности! А тутъ—миръ, быть можетъ, бланки, не даромъ же такъ горячо говорить о немъ и уже ставить какія-то условія. И кому охота подставлять себя подъ пули, тратить свою драгоценную и единую пшеницу, когда, быть можетъ, завтра не предѣтъ онъ, этотъ желанный миръ, и принесетъ лей дари свои,—умирать, когда Россія стала свободной,—умирать, когда такъ хочется жить!

Изъ войнѣ нужна воля, для мира достаточно и одного безволия. И сколько нужно силы духа у нашего солдата, патриотизма, самоотреченія, высокого разума, прозорливаго дама, чтобы при такихъ условіяхъ еще ждать войны, еще стремиться къ ней! И онъ есть, этотъ титаническій духъ народа, духъ мужества и чести; и въ каждомъ все наше мученическое и пылкое офицерство, и въ каждомъ отдѣльномъ частіи войска, онъ божественнымъ огнемъ бездѣлды вспыхиваетъ въ отдѣльныхъ революціонныхъ, горитъ надъ штыками революціонныхъ преобразованій, съ музыкой уходящихъ на фронтъ. Но остальные, для всего пшеницы эти великія революціи, эта темная и смутная масса колеблющихся, снѣжкомъ усталыхъ, малодушныхъ и попросту дурныхъ?

На для одного народа не стыдно, что думаютъ въ немъ меньшинство, а большинство слабо и нерѣшительно. И для русской арміи не стыдно, что за избранными новопришедшимъ солдатъ, на коихъ почить духъ мужества и силы, стоитъ сѣрая стѣна безличія, почти одинаково готового какъ на подвигъ, такъ и на измѣну. Умолкнута первая, сегодня она вѣзуть въ атаку, а завтра, при отступленіи, устранивать панику. Это еще лучше, но оста не и просто сподле,—а въ этомъ опять-таки не стыдно совѣтскимъ—тѣ, которые сирываются въ обонать, не таятъ о побѣдѣ и бѣгуть, прычуютъ за буторна ирм наступленія ономъ сдѣлать въ пѣль. Это они—передатчики всякихъ смутныхъ и путающихъ слуховъ, это они боится всякаго куста, и при случайномъ выстрѣлѣ въ тылу первене кричатъ: «обонать» и разондратомъ, какъ воробья.

И какъ на этихъ должно дѣйствовать великое сонніе въ необходимости войны, война, хотя бы самое едлаежное, самое теоретическое оправданіе немедленнаго мира?

И отсюда переходимъ къ самому тѣлесному вопросу—это о нашихъ солдатахъ. Онъ мучительно и тяжело, онъ страдатель нежеланъ голодъ, нежеланъ наша внутренняя разоруха, онъ гнететъ сознаніе и волю, ибо мы—на границѣ измѣны, мы почти уже измѣнили панику крутымъ и осознаннымъ. То, что происходитъ на нашемъ фронтѣ, есть фангическій сепаратный миръ съ Германіей, это необходимо понять и откровенно сознать. Сепаратный миръ, къ которому издавна стремился Вильгельмъ, который составилъ мечту и цѣль всехъ нашихъ предателей, который угроной несмысленнаго стыда стоять надъ головой каждого изъ насъ,—никогда осуществится свободной Россіей!

На фронтѣ вѣтнѣе. Почты шаворонны. Руны и пушки колчатъ, а погда и потребуютъ заговорить пушки, то... и снова умоляютъ. «Сепаратный миръ—миръ»

и биди,—повидному, наши товарищи артиллеристы еще не знают, что не надо стрелять; предупредите их, а то и мы будем вынуждены стрелять, и вы можете получить вышесказанную... и пушки умоляют. Мы ходим в гости и пьем немецкое вино и кофе. Угощаем и сами. Цыгуемся—и немцы весьма охотно, даже снисходительно подставляют губы; и пока мы цыгуем одного немца, два других немца отправляются убивать англичан и французов. Тьх самых англичан и французов, которые поспешили своим наступлением, чтобы дать как перестроиться на новый революционный строй; тьх самых англичан, которые тысячами своих смертей, быть может, отвратили от нас немедленный и сокрушительный удар германцев. Видь подарок был Стохель, подарок или нация-то приготовили!

Теперь, на некоторое время, наступление германцев нам не грозит. Во-первых, и трудно, когда французы и англичане вьются на шею, а во-вторых, зачем наступать? Зачем чистить снег, который под весенним солнцем тает сам? Лучше каждый день отправлять на французский фронт «резервы» (обратите внимание на тонометры на эти таинственные «резервы»), а на русском оставить несколько тысяч для легкой стрельбы, чтобы похоже было на войну, да несколько тысяч для подслушанья. Это средство недорогое и экономное, вальс его в Германию еще не тронуть и, если установить строгое чередование рот и батальонов для подслушанья, чтобы не пухли губы, то можно сдвигать недурную подслушанную кампанию. И я вижу всеобщего брезгливого немецкого лейтенанта, который снаряжает очередную «подслушанную команду» и снабжает ее средствами для дезинфекции рта...

Это называется «братание», то самое, которое так горячо рекомендуется и чуть ли не приказывается нашими публичными пацифистами и гражданами мира. Конечно, там есть и искренность, но, что мне до искренности одного Ганса, когда два других за его спиной бьют англичанина! И сколько на одного искреннего Ганса, охотно и даже сантиментально выходящего подслушанным образом, других Гансов, не столь сантиментальных? Одна петроградская газета, напечатанная несколько избранными немецкими прокламациями, раздаваемыми на фронте, путем строгого психологического анализа умышленно или неосознанно чуждо-сердечности и скавалды: а что? Вот то-то! Честные люди!

Но о двух вещах не задумалась газета: откуда на немецком фронте русский шрифт и подпольная типография для изображения этих чуждо-сердечных признаков? Я говорю «подпольная», ибо иначе где же печатаются эти излияния,—в германском штабе? И о другом не подумала провинциальная газета: возможно ли, при наличии свирепой немецкой дисциплины и соответствующего офицерства, самостоятельного и добровольного патристического солдатства на наш фронт? Они ходят только потому, что их позволяют, и позволяют им по той же причине, по какой печатают для них и прокламации: потому, что это нужно Ганденбургу, потому, что это необходимо—сдвигать русскую армию пассивной.

Ибо уже нет сил у Германии драться на два фронта. Ибо встанет русская армия от края своей болыани, неохоты и усталости, сплестись все для единого удара,—и германцы окажутся между золотом и никелевой, и их армия разбита, и конец прожитой войне, и конец горделивому мечтанью о Германии, которая выше всего, и над нами расчатым на чужую землю, пот и труд.

Но на фронте ватные. Певать извержения. Сладко звучат братские лозунги повсюду. Смертельно токует Сербия и Бельгия на своих развалинах. И с вращающей тревогой, с суровым лицом людей, сознающих значение долга, смотреть сования на тьх, кто готов вьяться... кто уже вьяться почти. И идти. А что будет, когда они перестанут идти, обь этом санктиско тамже говорить. И это знают все. Это—габень России.

Смотрю и думаю на то, что вокруг, и все новия и

новия встанут опасности: не вь добрый, видно чась родина наша русская свобода, кляня невьета вь бьльях цьбтах... не погибнуть бы ей на пороги и брачному торжеству!

Опасный врахь. Каждый день мы печатаем по 30 миллионов рублей на расходы, а денег все нть; и чьм шире развивается финансовое кадетство, тьм глубже падает вь яму банкротства наш превращаемый рубль. Вот уже и наш суважамый сосьдъ Финляндия—на совершенно законном основании!—отказывается принимать эту красную чуждую бумажку, а скоро откажутся принимать ее и австрияки: кому она нужна! А вьем Свободы... какая горькая кропия, какая ласкательная вьдь свободой этот вьемь «свободы»! Мечтатели помогали, что так и кинется на него свободная, революционная Россия, весь этот народ, впервые почувствовавший себя хозяином своей земли и своих денег, отбою не будет от подписки; и сразу пробьдет унылый рубль, и поднимется кредит, и подешевьт жвань,—а что вышло? Америка подписывается, Гансбург подписывается, еврейские общества сколачивают денег для подписки, дохлый интеллигент демонстративно тащит свой «говерарь»—а народ, в революционная демократия отворачивает лицо свое от «айма невола» и еще-ево, посль долгих колебаний и споров, соглашается великодушно допустить его, как она допускает и «сривавую бойню», и облагодтьствовать Россию.

Но, в допустить, не перестает спорить и возгласать. Та же газета, что восхвещалась искренностью немецких прокламаций, еще вчера только одобряла финляндских с. д., которые остерегаются поддерживать вьемь... да и одна из эта газета! И чего же, при этих условиях, мы можем ждать от вьема, вранье опороченного, вьятаго подь подозривае, как темная личность, вь дьна народа превращенного вь забаву партий, вь тяжелой работы—вь арену высокоумия и революционного ханжества. Прекраснодушное Временное Правительство!—оно думало быть Минным на площади, а его сдвляли сборщиком сь кружкой, на которой вьсьма подворительная печать: то из «бевь аннексий» то из—вставайте, батальоны!—с аннексий и даже Царградомь!

Но этого мало: битого надо добывать. И вот, радостно подобряет вь старым отцами, увлекимое, как несущина, вьк страшной центробьжной силой,—все вьсьма вь России стремится кь разьединению: классь оть класса, союзь оть союза, партия оть партий, человекь оть человека, городь оть города, уьздь оть уьзда, провинция оть провинция. Одинь уьздный комитетъ, вьсьма овесь, отказывается вь сьменахь другому уьзду, и яровия поля остаются необьменными. Вь других уьздахь мьстные комитеты объявив упраздненной частную собственность, захватили землю (кь чему непрерывно и настоячиво вьветь большевистская «Правда»), конфисковали инвентарь, сьмена, скотъ. Целевой скотъ продавали на убой, инвентарь и сьмена подьбили. Обьменять все поля не оумьли, не хватило силъ, и вьсьма десять тысячь десятинь осталось безь обработки. И т. д., и т. д. Встанут дикие кошмары республики вронштадтской, республики швейцбургской, вронтовой. Енисейский советъ р. и с. депутатов только счерезь свои группы допустить назваченныхь Правительствомь чиновниковь. Каждый Ивань сьмь по сьбь, вьждаа домьяна Ивановь—ужь. Вандей!

А дальше... рьшительно и рько отмежевывается Финляндия, для которой им отивий суважамый сосьдъ (суважамый только для приличия). О чемь то больше, вьжеди автономия, говорить Украина. Отранно смотреть Сибирь... Кто еще? Кому еще такь ненавиотла Россия, что на одной минуты не хочеть бить вьсьмь, требуеть развода—оть умирающей? Идите и бейте, рвите на наочья вьмошную дуру, тащите ключи вьз подь подушка, тащите все, что можно. Вьвесьнитесь, народеры, смущения вранденного, обираетел труповь, чьствань недотемь, революционных ханж и двоеспетиния!

Чего ее махьт, когда она сама себя не махьт!

Чего ее хранить и навьивать ей какое то спасение, когда она сама себя не хранит и сьбно вьветь вь могилу, сама сьбь на тысячу голосовь поеть отходную!

Продолжайте дьлать, что дьлаете. Вы, господа Временное Правительство, трагически вьвлывайте, что «безь вьласти нть ответственности» и, ставь на перепутьи сь протянутой рукой, умоляйте прохожаго, чтобы онь даль вамь на копьтку вьласти... на копьчку, Христа ради! Вы, господа Советь и Исполнительный Комитетъ—глазь не сводите сь Временного Правительства, сдвдите день и ночь за этими буржуями, вьчтыпайте внимательнть вь каждое постановление—обмануть! вь каждый приказъ Гучкова—солжеть! Вы, партй, разьчленичьтесь и вьмоштесь, дьлаетесь на франция и подфранция, бережно и твердо храните мальбашй отьбочекь краски, какь поцупай свое перо—и ненавидьте другь друга, пожалуйста! Вы, солдаты не довьрайте офицерамь—она все вьмьшания! Не слушайте генераловь—она все вьдательнть! И побольше, погорячь поцупайтесь сь чьстными немцами! Вы, русские социаль-демократы, почтительнть цьбуйте гуфлю у неповривной социаль-демократии французской и побольше, побольше презирайте товарищей французскихь и английскихь: у вьсьх у вьхь подьложные паспорта, у вьсьх накладные бороды и парики! Вы же, буржуи, скорьте бьгите вь Крымь и на Кавказь, а если не достали билета—закройте ставни, потушите свьтъ—и трепещите! Немць идеть, аваркия идеть! Голодь идеть!

...Я никого не обвиняю. Да и кого обвинять, когда все виноваты? Кого карать, когда все преступны? Если обудется то, чего я такь смертельно боюсь—достаточно останется на нашу голову и обвинителей и палачей: до сьдмого вьдана не вьспить намь ту чашу презривия, какую подьвесит намь обманутый и возмущенный мьр. Однимь изь союзниковь мы вьмьшамь? Нть—мы вьмьшамь революция, ее великое имя мы бросаемь вь грязь нашихь раздоровь и малодушия. Какь мечту, встрьталь мьр русскую революция... и какь хороши были ее первые шагн!—а что онь будеть думать потомь когда все вьсказанное свершится? Какимь насмьшамь подвергнется Бруть, если только не законится вь отчаянии, нашимь торжествомь загорятся глаза вьсвьтлой реакци: мы говорили, что не надо революция! Воть она, вьшь революция!

Утверждають, что революция вьрачевана, и Церетели вь думской рьчи выразили сьчастливую увьренность, что наша революция перекинется и на Европу. Я и самь такь мечталь еще недавно, а теперь думаю: такь ли? Есть зараза и зараза, и кто пожелаеть вьразиться оть прокляженного, какимь становится вь малодушия нашемь великая и чьстная революция? Бредеть опь, это средне-вьское пугало, по вьсьмь тропинкамь вь своемь прижизненномь савань, повьмиваеть своимь колокольчикомь—и сь ужась сторонится оть него случайный встрьчный...

И когда весь мьр проклянеть вьзвьвическую Россию, и не прокляну ее. Какь я могу проклянуть свою вьть? Буду сь ней вьчать ее горькое существование и только одно буду думать: несчастный им народь, несчастный им народь!

А можеть бить... и дьствительно, не надо никакой России? Бить можеть, это просто устарьвший терминь, который время упразднитъ? Жизнь невьстребима. Не будеть «Россия»—будеть другое, и сь гробового входа младая будеть вьшь вьтрать. Не все ли равно, вь конць концовь, чья это вьшь: русская или младья немецкая, главное, что вьшь остается, и поля останутся, и рьки останутся; а чьй пойдеть по рькамь пароходь—русский или немецкий—не все ли равно? Немецкий пароходь дажь удобить. И народь же не весь пропадеть: сразу не вьстрьбеть это миллионь Васильевь и Петровь. Приспособится ребята!

Что же, можеть бить, и вь самомь дьбь не надо никакой России?

Леонидъ Андреевъ.

(Изъ газеты «Русская Воля», оть 30 апрьля 1917 г. № 89).